

Ц. М. Туллий

Цицерон. Диалоги

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87

Ц. М. Туллий

Цицерон. Диалоги / Ц. М. Туллий – М.: Книга по Требованию, 2024. – 228 с.

ISBN 978-5-458-50735-6

Предлагаемые вниманию читателя два политико-философских произведения Цицерона — «О государстве» и «О законах» служат превосходным образцом римской прозы и содержат изложение теорий государства и права античной Греции и Рима. Они написаны как диалоги, т. е. беседы: диалог «О государстве» ведут Сципион Африканский Младший и его друзья, члены так называемого «Сципионовского кружка»; диалог «О законах» ведут сам автор, Марк Цицерон, его брат Квинт Цицерон и Тит Помпоний Аттик. Эти сочинения Цицерона, в свое время имевшие также и политическую направленность, оказали большое влияние на писателей эпохи раннего христианства, на писателей и ученых эпохи Возрождения и на французских просветителей (например, на «Дух законов» Монтескье). Оба диалога представляют собой выдающиеся памятники мировой культуры. Комментарий к диалогам содержит вводную статью и примечания.

ISBN 978-5-458-50735-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

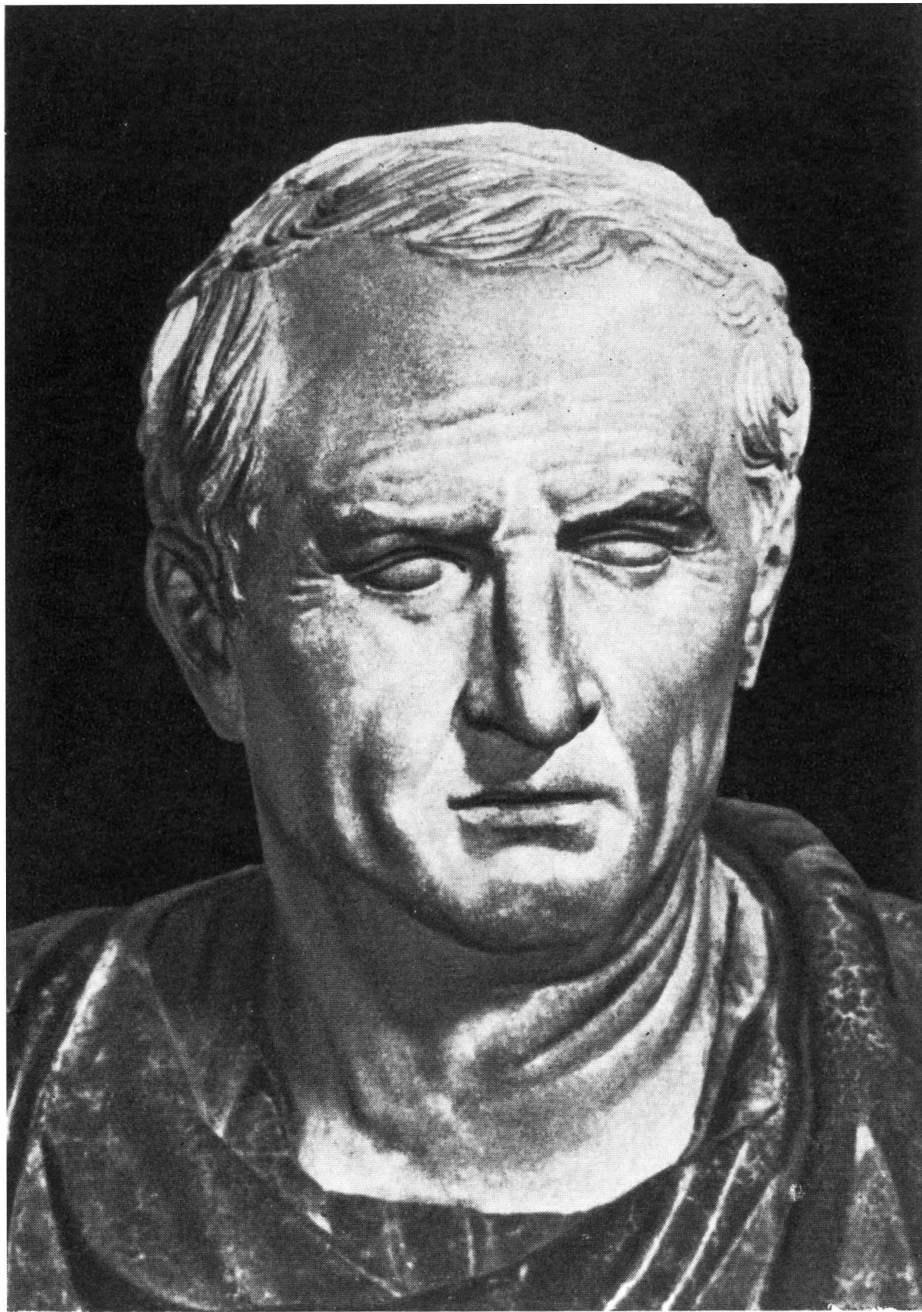
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемые вниманию читателя два политико-философских произведения Цицерона — «О государстве» и «О законах» служат превосходным образцом римской прозы и содержат изложение теорий государства и права античной Греции и Рима. Они написаны как диалоги, т. е. беседы: диалог «О государстве» ведут Сципион Африканский Младший и его друзья, члены так называемого «Сципионовского кружка»; диалог «О законах» ведут сам автор, Марк Цицерон, его брат Квинт Цицерон и Тит Помпоний Аттик.

Эти сочинения Цицерона, в свое время имевшие также и политическую направленность, оказали большое влияние на писателей эпохи раннего христианства, на писателей и ученых эпохи Возрождения и на французских просветителей (например, на «Дух законов» Монтескье). Оба диалога представляют собой выдающиеся памятники мировой культуры.

Комментарий к диалогам содержит вводную статью и примечания.

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
(106—43)

Мрамор. Флоренция, Уффици

О ГОСУДАРСТВЕ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

[Если бы предки наши не ставили блага государства превыше всего, то Марк Камилл не] избавил бы Рима от нашествия [галлов, Маний Курий, Гай Фабриций и Тиберий Корунканий не спасли бы его от нападения Пирра¹.] (I, 1) Гай Дуелий², Авл Атилий³ и Луций Метелл⁴ — от ужаса, который Риму внушал Карфаген, а двое Сципионов⁵ кровью своей не потушили бы начинавшегося пожара второй пунической войны, Квинт Максим⁶ не добился бы перелома в военных действиях, когда они возобновились после увеличения сил врага, Марк Марцелл⁷ не сломил бы противника, а Публий Африканский⁸ не перенес бы войны в стены вражеских городов, отбросив ее от ворот нашего города.

Далее, Марку Катону⁹, человеку малоизвестному и новому¹⁰, который всем нам, проявляющим такие же стремления, как бы подает пример настойчивости и доблести, право, было дозволено наслаждаться досугом¹¹ в Тускуле, здоровой местности близ Рима; но он, человек безрассудный, как думает кое-кто¹², предпочел, хотя его и не заставляла необходимость, до глубокой старости носиться по волнам в бури¹³, а не вести приятнейшую жизнь в тишине и на досуге. Не говорю уже о бесчисленном множестве мужей, из которых каждый служил благу нашего государства; о тех кто [не] забыт нашим поколением, я упоминать не стану, дабы никто не мог посоветовать на то, что я пропустил его или кого-нибудь из его родных. Утверждаю одно: природа наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно¹⁴ и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга.

(II, 2) Но отличаться доблестью, словно это какая-то наука, не достаточно, если не станешь ее применять. Ведь науку, хотя ее и не применяешь, все же возможно сохранить благодаря самому знанию ее; но доблесть зиждется всецело на том, что она находит себе применение, а ее важнейшее применение — управление государством и совершение на деле, а не на словах,

всего того, о чем кое-кто твердит в своих углах. Ведь философы не говорят ничего такого (я имею в виду то, что говорится действительно по справедливости и чести), что не было бы создано и подтверждено людьми, составившими законы для гражданских общин. И в самом деле, откуда возникло понятие о долге и кем была создана религия? Откуда появилось право народов¹⁵ и даже наше право, называемое гражданским, откуда правосудие, верность, справедливость? Откуда добросовестность, воздержность, отвращение к позорным поступкам, стремление к похвалам и почету? Откуда стойкость в трудах и опасностях? Да ведь все это исходит от тех людей, которые, когда это благодаря философским учениям сложилось, обычаями подтвердили одно, другое укрепили законами. (3) Более того, Ксенократ¹⁶, один из самых известных философов, на вопрос о том, чего достигают его слушатели, будто бы отвечал: они добровольно делают то, что им велят делать законы. Следовательно, тот гражданин, который своим империем¹⁷ и страхом перед карой по закону заставляет всех людей делать то, к чему философы своей речью могут склонить разве только немногих, заслуживает предпочтения перед самими любителями наставлять, обсуждающими такие вопросы. И в самом деле, какую их речь, как бы отточена она ни была, можно было бы предпочесть правильному устройству гражданской общины, основанному на публичном праве¹⁸ и на обычаях? И в самом деле, как «большие и могущественные города» (как их называет Эний¹⁹), по моему мнению, следует предпочитать деревенькам и крепостцам, так тех, кто благодаря своей мудрости и авторитету стоит во главе этих городов, следует именно за их мудрость ставить гораздо выше людей, чуждых какой бы то ни было государственной деятельности. А так как нас неудержимо влечет к умножению средств существования человеческого рода и мы, помыслами и трудами своими, стараемся сделать жизнь людей более безопасной и более богатой, причем искать этой радости нас побуждает сама природа, то будем держаться пути, по которому всегда шли все лучшие люди, и не станем слушать призывов тех, кто трубит к отступлению, желая повернуть вспять даже тех, кто уже продвинулся вперед.

(III, 4) Этим столь определенным и столь ясным доводам люди, несогласные с нами, противопоставляют труды, которые приходится совершать в защиту государства; для бдительного и деятельного человека это, конечно, препятствие небольшое и не только на таком важном поприще, но и при занятиях обыденных и при выполнении обязанностей частного человека или даже в личных делах заслуживающее пренебрежения. Говорят они и об опасностях, грозящих жизни, причем на позорный страх смерти указывают храбрым мужам, которым естественное угасание в старости кажется уделом более жалким, чем случай, когда им пришлось бы жизнь свою, которую рано или поздно придется отдать природе, именно за отечество отдать²⁰. В этом вопросе они признают себя особенно красноречивыми, когда пере-

числяют несчастья, постигшие прославленных мужей, и обиды, нанесенные им неблагодарными согражданами. Отсюда и примеры из истории греков: Мильтиад, победитель и усмиритель персов, когда у него еще не зажили те раны на груди, что он получил в час величайшей победы, жизнь свою, сохраненную им от вражеских копий, окончил в оковах, наложенных на него согражданами²¹; Фемистокл, с угрозами изгнанный из отечества, которое он спас, бежал не в гавани Греции, сохраненные им, а в глубь варварской страны, которую он когда-то сокрушил²². Ведь в примерах непостоянства афинян и их жестокости к виднейшим гражданам недостатка нет. Такие события, происшедшие там и часто повторявшиеся,—говорят эти люди,—многократно совершались также и в нашем могущественном государстве. (6) Упоминают и об изгнании Камилла²³, и о злобном отношении к Агале²⁴, и о ненависти к Насике²⁵, и об изгнании Лената²⁶, и об осуждении Опимия²⁷, и о бегстве Метелла²⁸, и о величайшем несчастье, постигшем Гая Мария²⁹, [а по его возвращении] об убийстве первенствовавших людей, и о происшедшей вскоре после этого резне, унесшей много жертв³⁰. При этом теперь не избегают называть также и меня и, пожалуй, именно потому, что мудростью моей и ценой грозившей мне опасности считают себя спасенными для этой мирной жизни, еще сильнее и с большей любовью ко мне сетуют на мои злоклучения³¹. Но мне трудно сказать, почему, когда сами они, для получения образования или ради ознакомления, ездят за море, ... [Лакуна]

(IV, 7) [Когда] я, слагая с себя полномочия консула, на народной сходке поклялся в том, что государство было спасено, причем римский народ поклялся в том же³², я, пожалуй, был вполне вознагражден за волнения и тяготы, связанные со всеми обидами. Впрочем, в злоклучениях моих было почета больше, чем лишений, и не столько было тягот, сколько славы, и я от тоски, испытываемой честными людьми, почувствовал радость бóльшую, чем была боль, причиненная мне радостью бесчестных³³. Но если бы, как я уже говорил, случилось иначе, то как мог бы я сетовать на это, когда на мою долю не выпало ничего такого, чего я не предвидел ранее, и — в сравнении с моими столь великими деяниями — ничего более тяжкого, чем я ожидал? Ведь я был таким человеком, что я,— хотя мне ввиду разнообразных приятных занятий, которым я предавался с отроческих лет³⁴, либо можно было получать от своего досуга плоды бóльшие, чем те, какие получают другие люди, либо, если бы всех постигло более тяжкое несчастье, пришлось бы испытать не какие-то особенные превратности судьбы, но равные тем, какие испытали бы и другие,— что я, ради спасения граждан, не поколебался встретить грудью сильнейшие бури и чуть ли не удары молний и, сам подвергаясь опасностям, принести спокойствие всем остальным³⁵. (8) Ибо отечество³⁶ породило, вернее, взрастило нас не с тем, чтобы не ждать от нас никакой поддержки и только, служа нашим выгодам, создавать для нас

безопасное убежище для жизни на досуге и спокойное место для отдохновения, но для того, чтобы оно само, себе на пользу, взяло в залог многие и притом величайшие силы нашего духа, ума, мудрости и предоставляло нам для наших личных потребностей лишь столько, сколько может оставаться после удовлетворения его собственных нужд³⁷.

(V, 9) Далее, к тем отговоркам, к каким эти люди прибегают для оправдания, дабы им еще легче было полностью наслаждаться досугом, конечно, менее всего следует прислушиваться, раз, по их словам, к государственной деятельности большей частью стремятся люди, совершенно недостойные честного дела, люди, равняться с которыми унижительно, а сражаться, особенно когда толпа возбуждена, опасно и чревато несчастьем. Поэтому, по их мнению, мудрому человеку не следует принимать бразды правления, раз он не в силах сдерживать безумные и неукротимые стремления черни, а свободному, борясь не на жизнь, а на смерть с подлыми и свирепыми противниками, не за чем подвергаться ударам оскорблений или ожидать несправедливостей, нестерпимых для мудрого; как будто у людей честных, храбрых и наделенных большим мужеством, может быть какое-нибудь основание посвятить себя государственной деятельности, которое было бы более справедливым, чем желание не покоряться бесчестным людям и не позволять им раздирать государство на части³⁸, [чтобы не оказаться в таком положении,] когда они сами уже не будут в силах ему помочь, даже если и захотят.

(VI, 10) Но кто может одобрить этот отказ от деятельности? Ведь, по их словам, мудрый не станет принимать никакого участия в делах государства, если только обстоятельства и необходимость не заставят его³⁹. Словно кто-нибудь может столкнуться с большей необходимостью, чем та, с какой столкнулся я!⁴⁰ Что смог бы я тогда сделать, не будь я в то время консулом? Но как мог бы я быть консулом, если бы с отроческих лет не держался в жизни того пути, идя по которому, я, происшедший из всаднического сословия, достиг высшей почетной должности?⁴¹ Следовательно, хотя государству и грозят опасности, возможность прийти ему на помощь не появляется вдруг или по нашему желанию, если не занимаешь такого положения, что так поступить ты вправе. (11) Но в высказываниях ученых людей мне обычно кажется наиболее странным то, что они, когда море спокойно, держать кормило отказываются, так как не обучались этому и никогда не старались овладеть таким умением, но что они же объявляют о своем намерении встать у кормила, когда на море разыграется сильнейшая буря. Ведь они склонны открыто говорить и даже превозносить себя за то, что никогда не обучались ни устройению, ни защите государства, не обучают этому других и полагают, что знание всего этого следует предоставить не людям ученым и мудрым, а искушенным в этом деле. Как, в таком случае, возможно обещать государству свое содействие только тогда, когда тебя к этому принудит необходимость, раз ты — что было бы гораздо проще — управлять

государством при отсутствии необходимости не умеешь? И право, если бы и было верно, что мудрый не склонен добровольно снисходить до занятий делами государства, но в том случае, когда обстоятельства заставят его сделать это, в конце концов все же не отказывается от этих обязанностей, то я все-таки полагал бы, что пренебрегать познаниями в государственных делах мудрому человеку отнюдь не следует, так как он должен овладеть всем тем, что ему, пожалуй, рано или поздно еще придется применять.

(VII, 12) Я изложил все это весьма обстоятельно по той причине, что решил выступить в этих книгах с рассуждением о государстве. Чтобы оно не оказалось бесполезным, я прежде всего должен был устранить сомнения насчет того, следует ли вообще заниматься государственной деятельностью. Но все же, раз существуют люди, которые считаются с авторитетом философов, то пусть они на короткое время возьмут на себя труд послушать тех, чьи авторитет и слава в глазах ученейших людей величайшие. Хотя некоторые из этих последних сами государственными делами не ведали, я лично — так как они рассмотрели много вопросов и много писали о государстве — все же думаю, что они выполнили некое обязательство перед государством. И право, тех семерых, кого греки называли мудрецами⁴², я, можно сказать, воочию вижу в самой гуще государственных дел. Ведь ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных.

(VIII, 13) Поэтому, так как мне посчастливилось, ведя дела государства, достигнуть некоторых успехов, достойных того, чтобы о них помнили, а развивая положения о гражданственности, приобрести некоторую подготовку благодаря не только своей деятельности, но и своему стремлению учиться самому и обучать других, ... [Лакуна] [то задачу, взятую мною на себя, я нахожу для себя посильной.] ... авторитеты, между тем как из моих предшественников одни были весьма изощрены в рассуждениях, но их деяния нам не известны, а другие за свою деятельность снискали одобрение, но в изложении своих взглядов были неискусны. Мне же предстоит не установить свои собственные, новые, мною самим придуманные положения, а по памяти привести беседу между прославленными мудрейшими мужами нашего государства, принадлежавшими к одному поколению. О этой беседе мне и тебе⁴³ в наши юные годы сообщил Публий Рутилий Руф, когда мы провели вместе с ним в Смирне несколько дней, причем он, по моему мнению, не пропустил ничего такого, что имело большое значение для этого вопроса в целом.

(IX, 14) Когда, в консульство Тудитана и Аквилия, знаменитый Публий Африканский, сын Павла, проводил дни Латинских празднеств⁴⁴ в своей загородной усадьбе, а его ближайшие друзья обещали ему часто навещать его в эти дни, во время самих празднеств к нему рано утром первым явился Квинт Туберон, сын его сестры. С радостью увидев его, Сципион

ласково сказал: «Что же ты, Туберон, так рано? ⁴⁵ Ведь эти празднества, пожалуй, дали тебе полную возможность предаться своим литературным занятиям».

ТУБЕРОН.— Книги мои в моем распоряжении в любое время; ведь они никогда не бывают заняты; но застать тебя на досуге — дело непростое, тем более при нынешних волнениях в государстве ⁴⁶.

СЦИПИОН.— Но ты все-таки меня застал, однако, клянусь Геркулесом, на досуге скорее от дел, чем от размышлений.

ТУБЕРОН.— Все же тебе следует отдохнуть также и помыслами. Ведь мы — а нас много — готовы (если только это тебе приятно) воспользоваться вместе с тобой этим досугом, как мы и намеревались.

СЦИПИОН.— Я, конечно, буду рад, что мы, наконец, сможем вспомнить кое-что из философских учений.

(X, 15) **ТУБЕРОН.**— И вот, так как ты как бы приглашаешь меня и подаешь мне надежду на твое участие, то не согласишься ли ты, Публий Африканский, чтобы мы, пока соберутся остальные, сперва поговорили о втором солнце ⁴⁷, о котором было доложено в сенате? Ведь нашлось немало и притом далеко не легковверных людей, которые, по их словам, видели два солнца, так что следует не столько отказывать им в доверии, сколько искать объяснения этому явлению.

СЦИПИОН.— Как я сожалею о том, что среди нас нет нашего Панэтия! ⁴⁸ Ведь он склонен тщательнейшим образом изучать, помимо других вопросов, также и эти небесные явления. Но я (тебе, Туберон, я скажу откровенно, что думаю) во всем этом вопросе не вполне согласен с этим нашим другом, который утверждает, что все то, свойства чего мы можем только предполагать на основании догадок, он воочию видит и чуть ли не трогает рукой. Тем бóльшую мудрость склонен я признавать за Сократом, так как он отказался от всякого стремления постигнуть все это и заявил, что вопросы о явлениях природы либо не доступны человеческому разуму, либо не имеют отношения к жизни людей ⁴⁹.

(16) **ТУБЕРОН.**— Не понимаю, Публий Африканский, почему нам сообщают, что Сократ вообще отказался рассуждать об этом и был склонен рассматривать вопросы только о жизни и нравах людей. Можем ли мы сослаться на более авторитетное свидетельство о нем, чем свидетельство Платона? Ведь в книгах Платона, во многих местах, Сократ, рассуждая о нравах и добродетелях и даже о государстве, все же старается связать с этими вопросами числа, геометрию и гармонию, следуя Пифагору ⁵⁰.

СЦИПИОН.— То, что ты говоришь,— правильно, но ты, Туберон, думаешь мне, слышал, что после смерти Сократа Платон, для приобретения знаний, поспешил сперва в Египет, а затем в Италию и Сицилию, чтобы тщательно изучить открытия Пифагора, что он много общался с Архитом Тарентским и с Тимеем Локрийским ⁵¹, раздобыл записи Филолая и, так

как в те времена слава Пифагора была велика в этой стране, общался с его учениками и посвятил себя этим занятиям. Поэтому, так как он глубоко почитал Сократа и был готов приписать ему все, он и сочетал в себе обаяние и тонкость рассуждений Сократа со свойственной Пифагору темнотой и его хорошо известной глубиной в большинстве областей знания.

(XI, 17) Сказав это, Сципион вдруг увидел, что к ним идет Луций Фурий. Поздоровавшись с Фурием, Сципион дружески взял его за руку и предоставил ему место на своем ложе. А когда в это же время пришел Публий Рутилий, сообщивший нам об этой беседе, Сципион, поздоровавшись также и с ним, предложил ему сесть рядом с Тубероном.

ФУРИЙ.— Что вы обсуждаете? Неужели наш приход прервал вашу беседу?

Да нет же,— сказал Публий Африканский,— ведь ты усердно занимаешься вопросами этого рода, которые Туберон недавно начал изучать; что касается нашего друга Рутилия, то он даже под стенами Нуманции не раз беседовал со мною о таких вещах.

О чем же была речь? — спросил Фил.

СЦИПИОН.— Об этих двух солнцах. Я очень хотел бы, Фил, узнать твое мнение о них.

(XII, 18) Едва Сципион сказал это, как молодой раб возвестил, что к нему направляется Лелий, который уже вышел из дому. Тогда Сципион, надев башмаки и верхнее платье⁵², вышел из спальни и, походив некоторое время по портику⁵³, встретил приближавшегося к нему Лелия и сопровождавших его Спурия Муммия, которого он очень любил, и Гая Фанния и Квинта Сцевола, зятьев Лелия, образованных молодых людей в возрасте квесториев⁵⁴. Поздоровавшись с ними всеми, Сципион повернул назад по портику и повел Лелия рядом с собой; ибо в их дружбе соблюдалось своего рода правило: в походах Лелий, как бога, почитал Публия Африканского за его исключительную военную славу, дома же Сципион, в свою очередь, как отца, чтит Лелия, старшего летами. Затем, после того, как они немного походили взад и вперед по портику, причем Сципион испытывал огромную радость от их прихода, им захотелось, так как время было зимнее, посидеть на лугу, ярко освещенном солнцем. Когда они уже собирались это сделать, к ним подошел Маний Манилий, сведущий муж, к которому все они относились с большим расположением и любовью. Сципион и другие встретили его дружескими приветствиями, и он сел рядом с Лелием.

(XIII, 19) **ФИЛ.**— Не вижу причины, почему мы из-за прихода друзей должны искать другого предмета для беседы. Думаю, что нам следует обсудить этот вопрос более тщательно и высказать нечто достойное их внимания.

ЛЕЛИЙ.— Что именно вы обсуждали, вернее, о чем была беседа, которую мы прервали?

ФИЛ.— Сципион спросил меня, каково мое мнение насчет того, что были видны два солнца, как все знают.

ЛЕЛИЙ.— Что ты, Фил? Разве мы уже изучили все то, что относится к нашим домашним делам и к государству, и потому хотим знать, что происходит на небе?

ФИЛ.— Неужели ты не считаешь для нас важным знать, что происходит и совершается в доме, которым является не пространство, ограниченное нашими стенами, а весь этот мир, данный нам богами как жилище и общее с ними отечество⁵⁵, — тем более что, если мы не будем знать всего этого, мы окажемся несведущими во многих и притом важных вопросах? Но ведь меня да и тебя самого, клянусь Геркулесом, Лелий, и всех жаждущих мудрости радует само познание и рассмотрение.

(20) **ЛЕЛИЙ.**— Я не против этого, тем более что теперь дни у нас праздничные. Можем ли мы, однако, что-нибудь послушать или же мы пришли чересчур поздно?

ФИЛ.— Пока еще мы ничего не обсудили, и так как мы еще не начинали, то я охотно дам тебе, Лелий, возможность высказать свое мнение.

ЛЕЛИЙ.— Да нет же, слушаем тебя, если только Манилий не сочтет нужным составить интердикт насчет двух солнц, — дабы они владели небом по тому праву, по какому каждое из них вступило во владение⁵⁶.

МАНИЛИЙ.— А ты, Лелий, не перестаешь издеваться над той наукой, в которой, во-первых, ты сам превосходишь других, и без которой, во-вторых, никто не может знать, что принадлежит ему и что чужое? Но об этом — немного погодя. Теперь слушаем Фила, которого, вижу я, спрашивают о вещах более важных, чем те, о каких советуются со мной или с Публием Муцием⁵⁷.

(XIV, 21) **ФИЛ.**— Я не сообщу вам ничего нового или придуманного или открытого мною самим. Ведь я помню, как Гай Сульпиций Галл⁵⁸, ученейший человек, как вы знаете, когда была речь о таком же наблюдении, а он случайно был в доме у Марка Марцелла, который вместе с ним когда-то был консулом, велел принести сферу, которую дед Марка Марцелла, завоевав Сиракузы, вывез из этого богатейшего и роскошно украшенного города, в то же время не доставив оттуда в свой дом ни одного другого предмета из столь значительной военной добычи. Хотя я очень часто слышал рассказы об этой сфере, так как с ней было связано славное имя Архимеда⁵⁹, сама она не особенно нравилась мне; более красива и более известна в народе была другая сфера, созданная этим же Архимедом, которую тот же Марцелл отдал в храм Доблести⁶⁰. (22) Но когда Галл начал с большим знанием дела объяснять нам устройство этого прибора, я пришел к заключению, что сицилиец обладал дарованием большим, чем то, каким может обладать человек. Ибо Галл сказал, что та другая, сплошная сфера без пустот была изобретена давно и что такую сферу впервые выточил Фалес